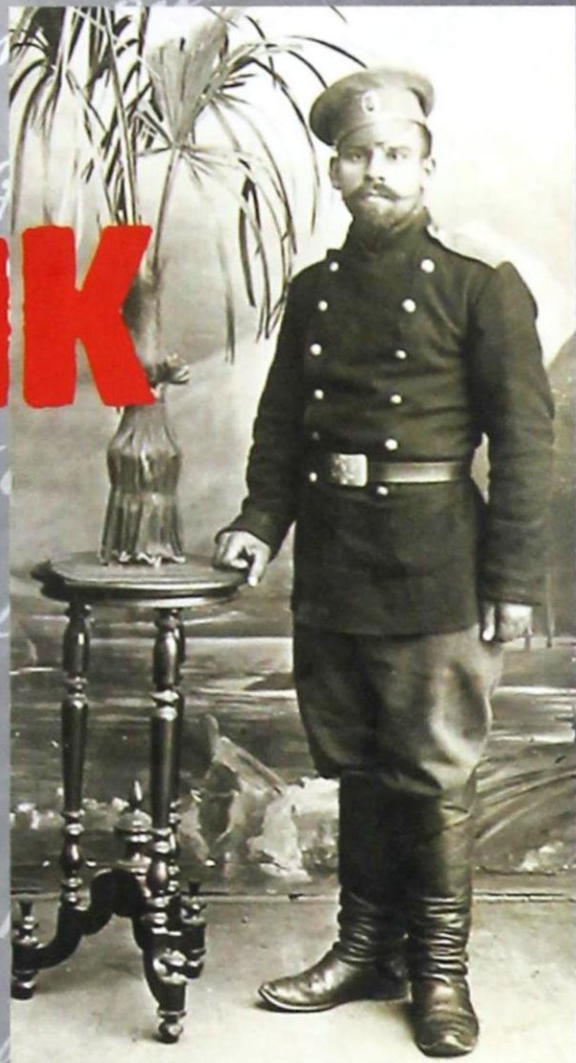
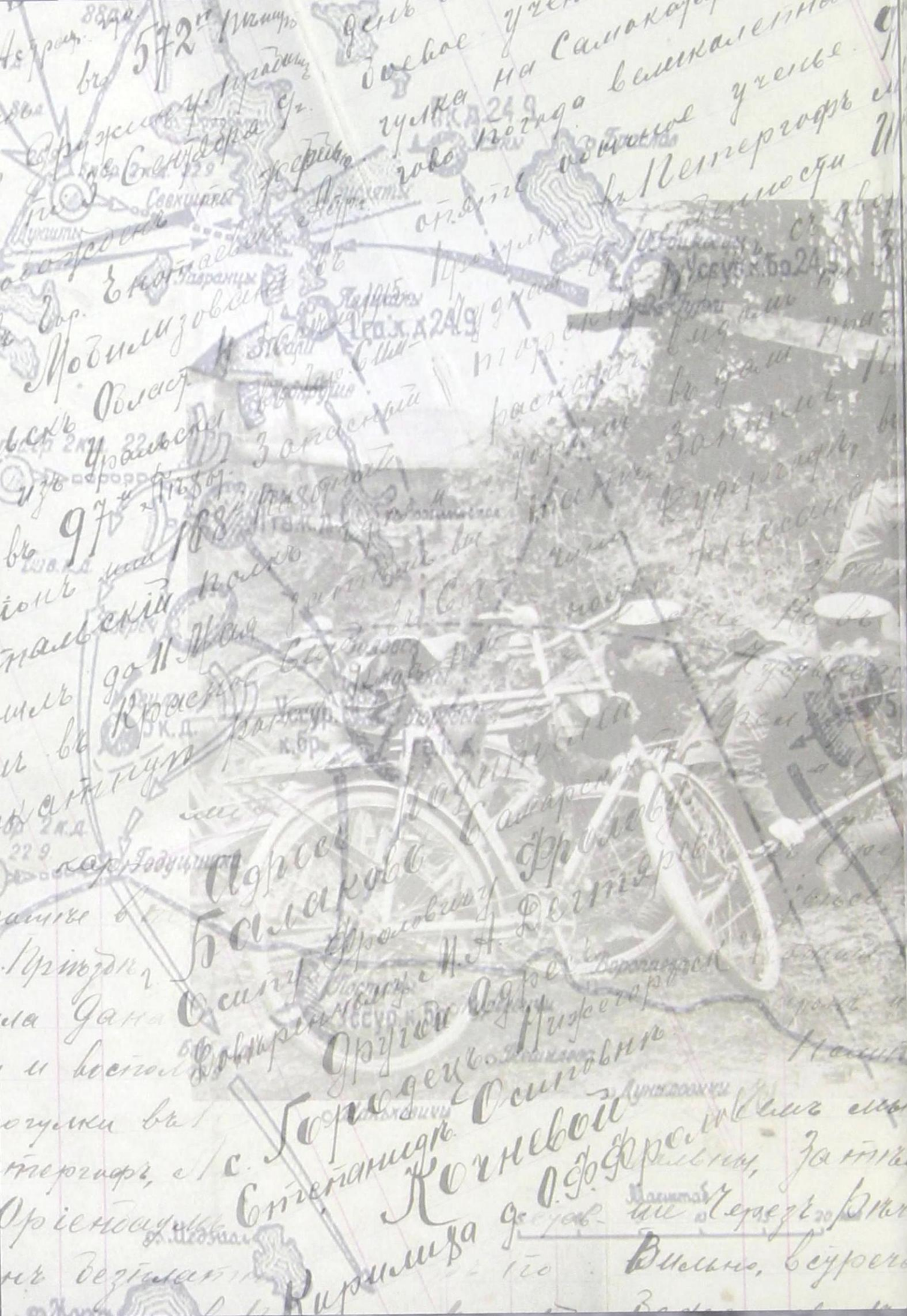

ДНЕВНИК

Венедукта Осиповича Фролова

572

устье

на Самакара
вешка

Модина

Область

Занасенный

Агреев

Балакочев

Осинцев

Кочневой

Вильям

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

249

ОБ

16+

63.3(2)
Д 54

ДНЕВНИК

Венедикта Осиповича Фролова

*Балаковская
школа поселенческой?
Труда
Королев 19.05.2016*

128138-1

К "Межпоселенческая
школа поселенческой?
Труда" библиотека
Балаковского муниципального района"

Нижний Новгород
2015

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

УДК 97(47)(093.3)
ББК 63.3(2)535-68ю14
Д 54

Рабочая группа Общественной палаты Нижегородской области
по увековечению памяти героев Первой мировой войны
выражает благодарность:
Союзу Возрождения Родословных Традиций,
аппарату Полномочного представителя по Приволжскому
федеральному округу,
Центральному архиву Нижегородской области,
Балаковской городской библиотеке,
МБУК «Городецкий историко-художественный музейный комплекс»,
Межрегиональной инспекции Федеральной налоговой службы России
по Приволжскому федеральному округу,
ФКУ «Налог-сервис» Федеральной налоговой службы России
за помощь в исследованиях и публикации издания.

Составители:
Т.Л. Грачева, С.В. Тонышев, Р.Н. Корнев

Д 54 Дневник Венедикта Осиповича Фролова. –
Н. Новгород: Поволжье, 2015. – 84с.

Биография рядового-самокатчика, уроженца города Балаково Саратовской губернии Венедикта Осиповича Фролова, свидетеля событий Первой мировой войны, изложенная им самим на страницах дневниковых записей.

ISBN 978-5-98449-293-5

Архивные материалы представлены в авторской редакции.

© Составление. Грачева Т.Л., Тонышев С.В., Корнев Р.Н. 2015.
© Препресс. Типография «Поволжье». 2015.

Вступление

Вы держите в руках уникальное издание – «Дневник Венедикта Осиповича Фролова», участника Первой мировой войны, первого парламентария к Временному правительству во время Революции 1917 года, чей образ был воссоздан в фильме «В дни Октября» режиссером С. Васильевым.

Увлекательные рассказы – записи рядового-самокатчика, уроженца города Балаково Саратовской губернии Венедикта Осиповича Фролова позволят вам взглянуть на события начала XX века глазами простого солдата. Вместе с ним вы пройдете дорогами Первой мировой войны, узнаете о его любви к девушке Пане из села Городец Нижегородской губернии...

Дневник, хранящийся в фондах Центрального архива Нижегородской области (ФР.401 Исаев А.Г.-тележурналист), был найден, оцифрован и исследован коллективом Союза Возрождения Родословных Традиций – Татьяной Львовной Грачевой, Сергеем Викторовичем Тонышевым, Романом Николаевичем Корневым. Большую помощь в работе оказал краевед г. Балаково Юрий Юрьевич Каргин. Во время исследования удалось найти место жительства Фролова – его дом в Балаково, а также ныне живущих потомков в городе Городец Нижегородской области. Правнучка Венедикта Осиповича, Тамара Вячеславовна Фролова, является заместителем директора Городецкого историко-художественного музейного комплекса.

Активное участие в издании книги приняли: Валерий Николаевич Губанов – руководитель Межрегиональной инспекции Федеральной налоговой службы России по Приволжскому федеральному округу; Николай Федорович Поляков – заместитель руководителя ФКУ «Налог-сервис» Федеральной налоговой службы России; Алексей Алексеевич Меркурьев – руководитель рабочей группы Общественной палаты Нижегородской области по увековечению памяти героев Первой мировой войны.

Дневник Венедикта Осиповича Фролова

Лист 1

Памятная книжка
Венедикта Осиповича Матюшкина, он же Фролов,
крестьянин Саратовской губернии Петровского уезда
Старозахарьинской волости села Чиндясы.
Самокатчик 1-й самокатной роты 4-го взвода
1914–15–16 гг.

Лист 2

Адрес родителей:
г. Балаково Самарской губ.
Осипу Фроловичу Фролову.
Доверенному М.А. Дегтярева
Другой адрес:
с. Городец Нижегородской губ.
Степаниде Осиповне Кочневой
Кирилиха д. О.Ф. Фролова

Лист 2 об.

Мобилизован 25 июля 1914 г. в с. Быково Астраханской губернии. Был назначен в 572-ю пехотную Астраханскую дружину. Пробыл в дружине по 3 сентября сего года и был освобожден по жеребью. Стояли в гор. Енотаевск Астраханской губернии. Вторично мобилизован в гор. Уральск Уральской области 4 апреля 1915 г.

Выехали из Уральска в гор. Симбирск в 97-й пехотный запасный батальон или 168-й пехотный Закатальский полк, где и пробыл до 11 мая. Затем выехал в Красное Село в самокатную роту, куда прибыл

Лист 3

14 мая сего года и назначен в 5-ю самокатную роту. В ней пробыл до 3 июня, а потом переведен в 1-ю роту, где и начал боевое ученье.

25 июня была прогулка на самокатах «Дукс» в Лигово. Погода великолепная. Затем опять обычное ученье. 9 июля прогулка в Петергоф. Местность чудная, в особенности Императорский парк, со дворцом, пре-

красным видом на залив, на котором вдали красуется Кронштадт. Затем поездка в Гатчино, Дудергоф, в дачную местность Александровка, близь

Лист 3 об.

Царского Села, где имеется чудный парк с вековыми деревьями. В общем, в бытность в Красном Селе мною обойдена и объезжена вся окружающая местность, которая усеяна морем дач и густыми сосновыми лесами, с чистым воздухом. Скверно одним: гнилая погода и обилие болот, в которых, как известно, очень много водится комаров и мошек, что страшно портит настроение, но, в общем, страшно хорошо чувствовать себя в таком прелестном месте, как лес и дачные места.

Лист 4

Затем продолжалось обычное ученье с пробегами на самокатах. 9 августа был смотр в гор. Петрограде. Осматривал наши две роты товарищ военного министра Бубнов. При смотре находились командир самокатных рот подпоручик Кархонин, два ротных командира: 1-й штабс-капитан Богданович и 2-й капитан Вержбицкий с взводными офицерами. Товарищ министра остался очень доволен бодрым видом самокатчиков и пожелал всего хорошего в боевой жизни. Был бы смотр гораздо интереснее, если бы не дурная погода, которая почти испортила геройский вид самокатчиков. Дул сильный ветер

Лист 4 об.

и шел дождь со снегом, что вызывало сильную дрожь в солдатах, чем и портило красивый вид смотра. Но молодцы-самокатчики выдержали эту невзгду и постарались дать смотру соответствующую картину, чем и произвели хорошее впечатление на начальство.

По приезде в Красное Село нам была дана полная свобода, чем мы и воспользовались. Начались прогулки в Петроград, Гатчино, Петергоф, Лигово, Царское Село и Ораниенбаум, для чего предоставлен бесплатный проезд по железной дороге, а в Петрограде и трамвай.

Лист 5

Так продолжалось до 11 августа, а вечером этого числа, отслужив молебен в 10 час. вечера, при громких криках «Ура!», под звуки военного оркестра поезд-эшелон тронулся по направлению к позициям через Гатчино, Лугу, Псков. Здесь мы имели получить превосходный обед, состоящий из макарон и пшенной каши, обильно политой топленым

маслом, чем мы остались очень довольны. Затем тронулись дальше через Речицу, Двинск, Свенцяны, Вильно, встречая на пути массу беженцев, едущих в товарных

Лист 5 об.

вагонах, а также много встретили колоколов и порченных военных вещей: автомобили, пушки, аэропланы, зарядные ящики и т.д. На станциях много встречали солдат, слоняющихся по этапным комендантам и наговоривших нам много ужасного о ходе военных действий, что в действительности не оказалось. Приехав в Свенцяны в 6 часов утра, стала слышна орудийная канонада в стороне к Паневежу, расстоянием приблизительно верст 45–50.

13 августа мы прибыли на станцию Вильно-товарная, в 2 часа дня. Здесь еще яснее был слышен гул орудий, т.к.

Лист 6

позиция наша в сторону от Вильно по направлению Орань была всего 25–30 верст. Мы пробыли в вагонах, не разгружаясь, до 8 час. вечера. За этот промежуток времени в нашей роте бродили разноречивые слухи относительно нашего назначения. Одни говорили, что едем дальше. Другие утверждали: «сейчас идем в окопы». И в таком виде судили и рядили до 8 час. вечера, когда, наконец, наш ротный командир дал приказ бесшумно выгружаться, что нами было моментально исполнено. Затем нас повели в город и поместили в здании юнкерского училища.

Лист 6 об.

Здесь мы ночевали, а затем, утром, были размещены в бараках того же училища, и тогда же нам объяснили, что наши две роты прикомандированы к штабу гвардейского корпуса. Здесь начали мы свою позиционную жизнь. Время проводили больше чем хорошо.

22 августа мы выехали в 8 час. утра в деревню Желосы, отстоящие от Вильны в 25 верстах, куда приехали в 3 час. дня и расположились в сарае, имея мягкую подстилку «солому». Жилось тоже недурно. Погода стояла очень хорошая. Позиция была в 22 верстах от нас. Хотя орудия

Лист 7

и здорово гремели, но мы уже так привыкли к этому, что не обращали положительно никакого внимания. И так шло все очень хорошо, как вдруг 29 августа в 9 час. вечера нам дали приказ занять окопы, которые

были тут же заранее вырыты. Самокатчики заняли каждый свое место и бойницу. Пулеметы были поставлены на свои места, а нашему отделению приказали идти в сторожевое охранение, откуда выслались и разведчики. Пришлось идти и мне в 4 ч. утра 30 сего месяца. Это первая моя боевая задача. Но все это прошло благополучно.

Лист 7 об.

Как ночь, так и день прошли без всяких волнений, а в 5 час. вечера 30 августа мы выехали в дачное местечко Верки, расстоянием 27 верст, куда приехали в 8 час. вечера и расположились на ночлег в пустующей даче, а утром 31 августа перебрались в другое помещение, более свободное, имеющее два обширных этажа. Здесь зажили великолепно, хотя пришлось жить не особенно долго, так как этого же числа в 12 ч. дня пришлось ехать занять пост летучей почты. Мне пришлось быть на самом предпоследнем посту, в 3 верстах от бою. В этот день особенного в окопах ничего не было, за исключением обычной орудийной

Лист 8

стрельбы. Вечер тоже прошел тихо. А на рассвете часа в 3 утра затрещали пулеметы, и пошла частая оружейная перестрелка. В это время пошел в атаку лейб-гвардии Павловский полк, прогнал немцев версты на 2, и почти тотчас же началась такая сильная орудийная канонада с обеих сторон, что земля дрожала от выстрелов, а к 10 час. утра 16 сентября нам было приказано покинуть свой пост. К этому времени канонада усилилась до полного развития огня, и снаряды германские стали падать в виду у нас. Мы покинули свой пост и перебрались версты 3 назад. Спустя короткое время деревня, где мы стояли,

Лист 8 об.

загорелась от попавшего в халупу снаряда. В 1 час дня нас сменил третий взвод, а мы переехали в Верки, но ночевать не пришлось, так как в 11 час. вечера, соблюдая полную осторожность, мы выступили через гор. Вильну, в гор. Ново-Вилейск. Шли всю ночь. Тут нас помочило изрядно дождичком, но все же утром, в 7 ч. 26 сентября мы прибыли в Ново-Вилейск и расположились в огромнейшем доме для душевнобольных, который был совершенно очищен всеми находящимися там обитателями, и мы были полные хозяева этого дома. Начали устраиваться на ночлег, но, к великому

сожалению, нам не пришлось здесь переночевать, а поужинав на скорую руку, мы собрались опять в поход и тронулись в 8 час. вечера. Но, к нашему несчастью, еще прибавился дождь, который сделал дороги почти непроходимыми, а об езде нечего было и думать, тем более ночь была ужасно темная, так что в трех шагах положительно ничего нельзя было рассмотреть. Но мы бодро шли всю ночь и к десяти часам утра приехали в деревню Козаки, находящуюся от Ново-Вилейки в 25 верстах. Здесь мы немного перекусили и выпили кружку чаю, наскоро приготовленную. Затем

Лист 9 об.

по приказанию ротного командира нашему взводу приказано было вернуться почти опять под самую Ново-Вилейку, так как там застряли в грязи наши автомобили. Идя туда, нам очень много встретилось солдат и обозов, отступающих от Ново-Вилейска, а мы, почти не емши, продолжали свой путь вперед. Нам давали хлеба обозные и солдаты, которые встречались нам на пути. Отойдя верст 10–12 от места нашей остановки, нам встретился автомобиль-кухня, который тащил 3-й взвод, а нам пришлось идти еще верст 8 до другого автомобиля. Перейдя реку Вильню, мы

Лист 10

встретили полк сибирских стрелков, которые и заняли окопы по другую сторону речки. А мы продолжали свой путь по дороге дальше. Почти около самого автомобиля нам встретилась дружина ратников, и их командир сказал нашему взводному офицеру подпоручику Чумакову, что от этого расстояния, где мы стояли, германские разьезды всего в 200 шагах. Мы, конечно, поспешили подойти к автомобилю и тут узнали, что автомобиль испорчен и машина совершенно не работает. Размышлять долго не приходилось, так как с минуты на минуту можно ожидать германцев.

Лист 10 об.

Мы бросили автомобиль и начали поспешно отходить, зарядив предварительно винтовки. Отойдя немного, мы увидели в 1/2 версты от нас едущий германский разьезд. Но мы, не обращая внимания, отходили. Прошли обратно через речку по деревянному мосту, на котором уже лежала солома, приготовленная для сожжения моста. А тут же были и

окопы, в которых сидел 33-й Сибирский стрелковый полк. Пройдя окопы, мы догнали свою мотоциклетку и забрали с собой. Мне пришлось вести ее. В этом нас участвовало 6 человек. Мы обогнали свой взвод и отправились на место

Лист 11

нашей остановки, куда и прибыли часов в 9 вечера. Но каково же было наше разочарование относительно отдыха, когда мы узнали, что наша рота ушла, забрав наши самокаты и вещевые мешки. Недолго размышляя, наши офицеры решили, не теряя времени, догнать роту. И мы тронулись. Кругом все было объято пламенем и страшная оружейная и оружейная перестрелка. Но мы продолжали свой путь, имея проводником местного жителя, который повел нас таким густым лесом, что мне еще не приходилось встречать. Этим лесом мы шли часов 5 и потом вышли

Лист 11 об.

на поляну. Здесь нас германские прожекторы стали освещать. Но мы продолжали свой путь, бредя, как мухи, усталые, голодные и бессонные. Офицеры наши решили отдохнуть дать людям, но на наше счастье не попадались деревни долго. Но, наконец, добрались до хутора, имеющего один дом и сарай. В это время, как нарочно, подул холодный ветер, и полил мелкий осенний дождь. Солдаты пристраивались, кто как мог, вокруг этого дома, а мне пришлось уснуть в коридоре на соломе, положив под голову камень. И заснул богатырским сном. Но это продолжалось всего 2 часа.

Лист 12

А затем тронулись дальше, утопая в грязи по колено, но все же было нами это перенесено, и в 9 часов утра 26 сентября мы прибыли в местечко Островец, в 28 верстах от деревни Козаки. Здесь была страшная сутолока. Солдаты приходили, уходили и т.д. Одним словом, был страшный хаос. А мы как приехали, поразбредлись по халупам спать. И так славно заснули, что прошла вся тяжесть походной жизни. Проснувшись, начали готовить чай и варить картофель с мясом, выданным по 1 фунту на человека. Так прекрасно отдохнули и закусили, что лучше желать было некуда. Здесь же я узнал, что мой

Лист 12 об.

товарищ Ударов, должно быть, попал в плен германцам, когда мы ходили за автомобилем. Мне было страшно жаль его, да тем более, у меня не имелось его адреса к родным. Но скоро мои опасения рассеялись, так как мой Ударов прикатил вместе с другим товарищем верхом на лошади, пойманной ими. Мы попили с ним чайку и вскоре опять тронулись в поход. Это было часов в 8 вечера. Прошли мимо горевшей станции. Название не помню (дописано Гудогай. – Ред.). Но только хорошо было смотреть на горевший состав вагонов, в которых ежеминутно рвались оставленные

Лист 13

патроны, а вправо от нас верстах в 2, видимо, кипел горячий бой, так как была сильная оружейная и пулеметная стрельба. Но мы продолжали свой путь, взбираясь на горы, холмы, бугры и спускаясь в долины, проходили лесами и вязли в грязи, но все же тут было гораздо лучше идти, чем прежде, потому что было светло, как днем, от горевших вокруг деревень. Часов в 12 ночи мы остановились ночевать прямо на дороге, хотя спать забрались в сарай, в котором было очень много соломы, на чем мы превосходно заснули. Но наутро

Лист 13 об.

вставши, было так холодно, что нам пришлось закутываться глубже в свои шинели. Наскоро пообедав, часов в 7 утра 4 сентября тронулись дальше. Перешли железнодорожное полотно Полесской железной дороги и в 4 часа вечера приехали на станцию Соло и остановились на винокуренном заводе, где ребята достали спирту и скоро оказались пьяными. Но все шло очень хорошо. Здесь бой был всего в 2 верстах, и мы прекрасно наблюдали, как вдали на горке рвалась германская шрапнель. Тут же невдалеке поднялись наши два аэроплана и помчались в германскую сторону, бросая по пути бомбы.

Лист 14

Здесь мы простояли и 5 сентября без особых приключений. Затем 6 сентября в 6 час. утра мы тронулись дальше. Проходили по местам боев, встречая на пути крестики павшим воинам. В 5 час. вечера приехали в деревню Драчуны. Здесь до нас были германские кавалеристы, пробыли всего 2 дня, а затем казаки выгнали их. Здесь мы пробыли до 9 сентября.

А утром 9 сего месяца выехали дальше, бродя опять по горам и лесам. Наконец, прибыли в деревню Коровай. Здесь пообедали и стали занимать пост летучей почты. Вместе с нами на посту провели ночь под открытым небом наш ротный командир и взводный офицер Чумаков, а днем

Лист 14 об.

10 сего месяца тронулись дальше и таким образом шли день и ночь, а часов в 5 вечера 11 числа приехали на полустанок Залесье (исправлено м. Заскевичи. – *Ред.*). Здесь пообедали и тронулись дальше. По пути встречали очень много лошадиных трупов германской кавалерии, а не-вдалеке в лесу и трупы германцев, которые лежали в разных позах и с разными ранами. В общем, картина очень нехорошая. Часов в 8 вечера приехали на станцию Пруды и тут расположились. В это время шел бой в местечке Сморгонь, и мимо нас шла туча евреев, покинувших местечко. В таком виде они шли почти непрерывно

Лист 15

трое суток. Дети, потерявшие своих родителей, кричали до упаду, ища их, но голос их оставался как вопиющих в пустыне. Нам приходилось делиться последним куском хлеба, хотя сами его имели ограниченное количество, а что главное, не хватало у нас сахара и соли, так как сахар у нашего взвода украли весь из мешков (третий взвод, когда нес наши мешки из деревни Козаки), но все же мы кое-как перебивались и делились друг с дружкой. В таком виде мы спокойно продолжали жить. Каждое утро наблюдали за германскими аэропланами, которые кружились

Лист 15 об.

над нами, а по ним непрерывно палили с разных концов из орудий. Завидя такой прием с нашей стороны, германские аэропланы спешили убраться восвояси. Особенного тут ничего не случилось. А 22-го сентября мы приехали в деревню Морозки при местечке Лебедево. Переход этот был очень маленький, всего 7 верст. В это время у меня сильно болели ноги, первые признаки ревматизма. Ввиду этой болезни мне пришлось идти после всех и делать передвижение черепашьям шагом.

Лист 16

За время стоянки в Морозках мои ноги довольно-таки поправились, и я уже мог свободно делать переходы вместе с ротой. Из Морозок мы

выехали 28 сентября в 6 ч. утра и прошли станцию Молодечно, держа путь в город Вилейку. Дорога была более чем ужасная, так как почти под самой Вилейкой мы встретили такую песчаную дорогу, что ноги вязли почти по колено, а что труднее всего было, так это тянуть свой автомобиль, который буквально не мог двигаться без нашей помощи, что ужасно задерживало нас. Не дойдя верст 5 до Вилейки,

Лист 16 об.

по приказу фельдфебеля решено было ночевать в лесу, так как было совершенно невозможно вытянуть автомобили. Только мы расположились отдыхать, как вдруг подпоручик Никитин нас пришел сменить с двумя взводами. Мы быстро собрались и отправились ночевать в город, куда и пришли в 1 час ночи, а утром 29 сентября мы снова пошли в составе двух взводов тащить автомобиль, но уже днем мы скоро вытащили его и пришли обратно в Вилейку. И тут уже начали осматривать город, который был полуразрушен и сожжен, в особенности

Лист 17

пострадал костел от артиллерийских снарядов, но порядочно и выгорел город, так как он два раза переходил из рук в руки. Здесь мы пробыли очень мало, так что вечером, в 7 часов, тронулись дальше, и шли все больше лесами, а в первом часу ночи, остановились ночевать в деревне Балаши под открытым небом, за неимением халуп. Здесь мы развели громадные костры и вот около их провели всю ночь, а к утру ударил морозец, и мы завертелись, как миноги, обогревая бока от холода. В таком же виде простояли и весь день 30 октября (должно быть, сентября. – *Ред.*). Здесь наш взвод

Лист 17 об.

снял военный фотограф для кинематографа Е.И.В. <ее императорского величества> государыни-императрицы Александры Федоровны, а вечером в 6 часов мы опять тронулись. Но люди были страшно утомлены, и, пройдя верст 10, мы остановились ночевать в деревне Городище и разместились кто где мог, проведя ночь довольно недурно. В 6 утра был роздан обед, и мы тронулись дальше. В это время был порядочный утренник, а днем опять стало тепло, но мы тут уже передвигались очень быстро, так как дороги были хорошие, и мы ехали на самокатах, обгоняя пехотные полки и их обозы.

Это было как раз в Покров Пресвятой Богородицы 1 октября. Ввиду такого большого праздника все люди в деревнях, встречающихся нам, были одеты по-праздничному, а в местечке Бояры священник кропил святой водой проходящие войска. В 5 часов вечера мы приехали в местечко Дуниловичи и расположились в здании волостного правления, очень удобное и теплое помещение, и здесь стали отдыхать от трудных переходов, тем более что стали говорить, корпус наш пришел на отдых, тут мы почувствовали

Лист 18 об.

еще более себя здоровыми и все невзгоды почти забыли, что было очень приятно. Здесь мы простояли всего три дня, а 5 октября выехали в деревню Лазовики, отстоящую от Дунилович в 12 верстах, и здесь расположились окончательно на отдых в крестьянской халупе. Хотя было жить и тесно, но все же лучше, чем на позиции. Одно было скверно, нельзя было достать чаю готового, а приходилось согреть самим, где и встречали недостаток в дровах, и далеко было ходить за водой к речушке.

Лист 19

Но все же, житьишко наладилось хорошее, тем более что занятия были очень редки, а когда и были, то нетяжелые. Переписка здесь наладилась очень хорошо, так что письма из дому доходили в 15–16 дней, чего на позиции никогда не встретишь. Там письма получали на 27–30-й день, что, конечно, тоже скверно, тем более что и газет совершенно достать негде. Поэтому совершенно не знали, что делается у нас в России и на фронтах. Как ни хорошо было в Лазовиках, но все же,

Лист 19 об.

скоро надоела однообразная и скучная жизнь. Тем более выйти было некуда, кроме железнодорожной станции Новодруцек, узкоколейный подъездной путь, где и проводили время. Но это все надоедало, и мы стали подумывать опять о позиции, как вдруг, неожиданно нас переводят из гвардейского корпуса в 1-й кавалерийский корпус, который в это время находился в местечке Опса, куда мы на другой же день, т.е. 30 сентября, и отправились туда. Расстояние было 93 версты, на наше «счастье» погода была дождливая, и дороги стали непроходимыми от грязи. Как ни трудно было, а все же

в первый день мы прошли 35 верст и заночевали в господском дворе Полово. Здесь нас приняли очень любезно, раздавали папиросы, натопили печь как следует, и мы преспокойно спали всю ночь. Наутро, проснувшись, мы полагали тронуться дальше, но оказалось, что кухня наша еще не успела приехать, и мы стали ее ожидать. Часов в 10 утра приехала и наша кухня. Сейчас же начали варить обед, и часа в 3 мы тронулись дальше. Ввиду обилия грязи на дорогах нам пришлось идти стороной, просеками лесов, по кочкам. И вдобавок к этому

Лист 20 об.

на нашем пути лежало много сваленных деревьев и сучков, что очень нам мешало и подрывало силы. Прошли мы верст 10. Стало темнеть. И нам пришлось заночевать в одной деревне. Халупа очень хорошая и большая, только царил в ней полный беспорядок, ввиду того что до нашего прихода на поле этой деревни шел сильный бой, и крестьяне, опасаясь артиллерийского огня, предполагали заблаговременно убраться. Но этого, к счастью, не случилось, т.к. германцев отогнали верст на 30 назад. К нашему

Лист 21

удивлению, хозяин нашей квартиры, почтенный старик лет под 90, обладал хорошим запасом яблок, очень вкусных, которые мы начали брать нарасхват по 5 коп. штука. Жалко только одного, что не было хлеба, и нам пришлось немного поголодать. Но по привычке это проходило как-то незаметно. 1-го октября, как раз в большой праздник, мы тащились как изнуренные лошади, питаясь редькой и свеклой мерзлой, которой было брошено крестьянами сколько угодно. Но наш заботливый командир роты все же сумел достать для

Лист 21 об.

своих солдат сухариков, которыми мы остались довольны. Но уже близко был и конец нашего путешествия. 2-го октября мы прибыли в 2 часа дня в местечко Опса, населенное почти одними евреями, хотя изредка можно встретить и поляков. 3-го октября представились для смотра нашему корпусному командиру Орановскому. Смотров он остался очень доволен. Здесь мы пробыли до 5-го октября, а затем выехали на отдых в город Дриссу Витебской губернии через местечки Браславль – Иказнь – Перебродье – Попки и Дрисса, куда и

Лист 22

прибыли 8-го октября, как раз в воскресенье. Здесь были расквартированы по частным домам. Мы остановились на Ново-Рынкковой ул. дом Липки Левина. Хотя по происхождению он и еврей, но довольно гостеприимчив. И очень много заботилась его жена Хаська, готовила каждый день для нас чай и вела чистоту в доме. В этом ей помогала квартирантка, которая тоже ревностно ухаживала за нами. Здесь мы жили уже действительно, как на отдыхе, тем более начались отпуска

Лист 22 об.

домой. Хотя и на короткий срок, но все же живущие неподалеку имели возможность побывать дома. Жить было очень хорошо, хотя и однообразно. На занятия выходили только для того, чтобы поразмяться, как говорил наш герой ротный командир. Но делалось это очень редко. Здесь же был организован струнный оркестр, под умелым управлением Лисовского он скоро стал играть превосходно. К этому еще организовался артистический кружок. И вот начали

Лист 23

давать спектакли и концерты в пользу усиления средств комитета имени Е.И.В.В.К. <ее императорского высочества великой княжны> Татьяны Николаевны. Публика, как военная, так и штатская, посещала в лучшем виде, и сборы были очень хорошими. В первый день Рождества была устроена елка для наших рот и розданы подарки всем нижним чинам. Здесь же мы были осчастливлены посещением нас командиром нашей армии (дописано «2 от. кав.» – *Ред.*) Литвиновым. А кроме того, 29 января имели счастье видеть нашего верховного главнокомандующего

Лист 23 об.

государя императора, осчастливившего наш корпус своим посещением. Смотр был великолепный, за что удостоились царского «спасибо». Но перед этим, числа 12 января, у нас произошла перемена в командном составе. Наш ротный командир Богданович был потребован куда-то, как после узналось на суд. «За что?» – осталось для нас тайной. Но только жалко было видеть геройского человека, который перед отъездом плакал, как ребенок, видимо,

сознавая свою вину. Хотя особенного сожаления не заслуживал, т.к. был очень несправедлив в наказаниях: наказывал и бил, не разбираясь в виновности человека, чего не должен делать отец солдат. Правда, без строгости и наказаний тоже нельзя, потому что все можно держать только благодаря дисциплине. Но все же разбираться в виновности нижних чинов тоже нужно, а этими качествами наш ротный не обладал. Хотя, возможно, что это делалось под влиянием

тяготевшего над ним проступка. Зато уж не любит подлизываться, а также и не терпит сам таких людей. Любит солдатскую выправку и геройский вид. После него принял командование штабс-капитан Лызлов. Человек неплохой, любит пошутить с солдатами и любит службу. Одним плохо, мало бывал на кухне и не проверял пищу. Благодаря этому канцелярские крысы воровали, кто сколько мог, и пищу готовили прескверную.

Живя в Дриссе, очень немногие ходили за пищей, так как почти каждый имел деньжонки и получали посылки очень часто, поэтому особенно пищей не интересовались. Через некоторое время приехал опять старый ротный, видимо, благополучно освободившись. Тут ребята стали жалеть Лызлова, думая, что Богданович опять начнет колотить. Но, к нашей радости, этого не повторяется, а если и случается, то действительно заслуживает гораздо больше, чем

следует. Командир наш как будто переродился. И в особенности пища стала гораздо лучше, так как главная забота у него – прежде побывать на кухне: что готовят и как, а тогда уже идет исправлять другие дела. А канцелярские и кухонные крысы, хотя воруют и сейчас, но далеко не то, что было, так как дрожат попасть командиру в переделку. И так текла наша жизнь постепенно, всю зиму. На первой неделе поста стали говеть

вся рота, а в субботу 28 февраля выступили в поход по направлению в город Друю. Провожали чуть не все жители городские, как родных. Это было в шабац (шаббат – суббота по-еврейски. – *Ред.*), поэтому все разодетые высыпали на улицу и трогательно провожали, а девицы многие

